

«Мы появляемся на свет там и тогда, где должны, там и тогда, где можем что-то изменить к лучшему, — не зря Франциск Скорина повторял библейское о пчелах, которые защищают ульи свои, и птицах, которые ведают гнезда свои, сколько бы ни летали в безграничном пространстве... Без пробуждения исторической памяти, без культурной идентичности со своим народом и любви к родной земле не может состояться личность».

Людмила Рублевская

«Зажигая латунную лампаду, чтобы напомнить Господу о себе, не придумываю особых молитв, не кланчу: «Избавь и спаси!» Мне давно даны Его щедрой милостью разум, воля, свобода решать, прощать ближних. В моей молитве одно только слово: «Благодарю»».

Владимир Ясев

«Самая главная, но и самая трудноосуществимая, почти недостижимая цель для человека — достичь духовной красоты и чистоты, как бы искренне он к этому ни стремился».

Валентина Кадетова

«А что ты знаешь о солнечном свете внутри себя? Ты и только ты можешь позволить ему освещать необходимое именно тебе пространство, избранный именно тобой круг людей... И только ты можешь не позволить погасить этот солнечный свет в себе. В калейдоскопе множество разбитых стеклышек, не всегда правильной формы, ранящих осколков, но как безупречно их можно сложить в узоры, ласкающие взгляд и наполняющие душу детским восторгом. Даже в темные времена есть место для света».

Юлия Мельник

«Как прекрасна мысль известного польского писателя Ярослава Ивашкевича: «Держать как каплю на губах вкус каждого мгновения». Для меня это — находить радость, изюминку в каждой минуте бытия! Неустанно постигать Жизнь, удивляться Ей, смаковать Ее».

Светлана Ефремова

«Дом, малая родина... Когда припадаешь душой к родной земле, обретаешь животворную нравственную силу. Здесь ты свой, здесь твои корни, здесь черпаешь вдохновение. К этому святому уголку с окном в большую Родину, к своей родословной никогда не угаснет любовь. Если душа не глухая...»

Нина Горегляд

«Благодарность излучается сердцем и воспринимается им же. И даже не облаченная в слова, она всегда будет услышана человеком, бескорыстно сделавшим добро».

«Если размах крыльев души позволяет, пишите сложно, пишите глубоко, пишите длинно! Не надо упрощаться, уплощаться, унижаться и унижать читателя псевдопростотой! Не предавайте себя, не изменяйте себе в угоду сомнительным тенденциям времени. Не надо позволять себе подрезать крылья вашей души. Творите! Творите, потому что писатель должен только одно — быть творцом!»

Дарья Дорошко

«В начале, как известно, было Слово. И что ждет нас в конце? Неужто и вправду человеку перестанут быть необходимы слово, стихи, книги? Не верю... Потому что человек без слова попросту перестанет быть человеком. И путь у него один: шкуру на плечи и в пещеру, учиться добывать огонь трением...»

Анатолий Аврутин

«Деньги ничего не стоят, если остаются бумажками, за которые не куплены подарки. Слова ничего не стоят, если ими не согреты сердца».

Наталья Светлова



Уладзімір Караткевіч «Кастальская крыніца»

В книгу вошли избранные поэтические произведения классика белорусской литературы Владимира Короткевича из его сборников «Матчына душа», «Вячэрнія ветразі», «Мая Іліяда», «Быў. Ёсць. Буду.».



Уладзімір Гніламедаў «У войску»

В романе Владимира Гниломедова «У войску» действие происходит в 1960-е годы. В произведении показаны не только отношения между солдатами срочной службы, их взаимоотношения с офицерским составом, но и отражена атмосфера того времени.

Людмила РУБЛЕВСКАЯ

АВАНТЮРЫ ВЫРВИЧА, ЛЁДНИКА И ЧЕРНОЙ МЕЛАНХОЛИИ

Роман приключенческий и фантасмагорический.
6-я книга серии «Авантюры Прантиша Вырвича».
Продолжение. Начало в №№ 8—9 за 2025 год



ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕРНОЙ МЕЛАНХОЛИИ

Немецкий монах Базиль Валентин (такое вот двойное имя) искал философский камень, а добыл подозрительный серый порошок. Что за оно? А давай свиньям монастырским дадим!

Свиней от порошка крепко пробрало... Уважаемый Базиль обрадовался: отличные лекарства, как раз братии монашеской полезно! Поделится щедро... Наутро братия лежала мертвенькая, а порошок прозвали антимонием, или средством против мнихов. И если добавить его в свинец, то получишь твердый металл гартблей, а если охладить испарения желтого антимония, получится черный, которым женщины любят подводить брови и ресницы...

После этого поучительного рассказа Лёдник обычно рассуждал, что человек часто не понимает ценности того, что делает, — сколько полезных открытий во время добычи того философского камня брезгливо отброшено алхимиками... А еще — как легко по-глупому сгнать от самых лучших намерений помогающего.

Прантиш зевнул и повернулся на другой бок. Кажется, так устали во время погони, с коней валились, едва уговорили Лёдника остановиться на ночлег в этом неизвестном местечке Виславица, заимели отдельное помещение на мансарде корчмы, упал на кровать — и спи... Так нет же... Просыпаешься едва не каждый час. Холодно, как в погребке, — хозяин пожадничал на жаровню. Студизусы внизу все еще горланят свои песни, правда, голоса уже как плохо закрепленные полозья.

Лев и орел, сера и ртуть...
Смерть и жизнь рядом идут,
Под руки взявшись, бредут спозаранку,
Как студизусы после гулянки.
Не попадайся навстречу, небога.
Смерть и жизнь рассуждают недолго.



Владимир ЯСЕВ

ПОЦЕЛУЙ ОСЕНИ

Стихи

УЛЕТНОЕ

Душою улетаю,
Рифм расправляя крылья.
Прогнозы обещают
Тепло и дождь в Севилье,

Над Лондоном — туманы,
Безоблачность — в Париже,
Прохладу — в Тегеране,
Бездожде — в Могадишо.

Рифм расправляю крылья —
Я не боюсь ненастья:
Слова искусно свили
Стихи из нежной страсти.

Моя душа взлетает:
Границ нет и таможен
Там, где по мне скучают
И ждут меня, быть может.

СЕНТЯБРЬ

На чашку чая приглашаю осень
Растрепанную, ветреную, рыжую.
Сомненья и условности отбросив,
Парит она над золотыми крышами.

Летит она стрекозами над травами,
Дожди вплетает в гобелены города,
Ветрами молодыми и кудрявыми
Стрижет кустам растрепанные бороды.

А над рекою шепот легкомысленный
Еще витает летним ожиданием,
И мыслимое кажется немыслимым,
Как первое любовное признание.



Валентина КАДЕТОВА

МЕЛОДИЯ ТИХОЙ ОХОТЫ

Эссе

Готова держать пари, что ни в одном медицинском справочнике вы не найдете названия этой болезни. А между тем болеют ею тысячи, а может, и миллионы. Болезнь — хроническая и неизлечимая — большую часть года проходит в скрытой форме и поэтому не тревожит своих носителей. А вот в начале лета начинается стремительное ее обострение. Длится оно до глубокой осени, налагая своеобразный отпечаток как на внешний вид больных, так и на их отношение к служебным и семейным обязанностям. Но, как ни странно, ни один из тех тысяч — миллионов вовсе не желает избавляться от своего недуга с его непонятными простому смертному симптомами.

Ну а сейчас серьезно про болезнь, которая (вы уже догадались?) вовсе и не болезнь, хотя кто-то и дал нашей «неболезни» похожее на медицинский термин название — микофилия (от греческого «микас» — гриб, «филео» — люблю), а страстным любителям бродить по лесу в поиске грибов от рассвета до заката с начала лета до самых заморозков — микофилы. На мой взгляд, микофилы — это не совсем точное определение, потому что его можно отнести не только к собирателям, но и к едунам — тем, кто очень любит полакомиться грибами, но в лес — ни ногой. Собиратели в большинстве своем к грибам как к еде равнодушны, но с удовольствием угощают ими знакомых едунов и радуются их почти детской радости: «Ой, грибочки!»

Откуда же та одержимость, с которой человек, забыв про голод и усталость, часами может ходить по лесу и с замиранием сердца склоняться над обычным боровиком или рыжиком, а то и над простой сыроежкой? Может быть, в неосознанном ощущении мимолетного прикосновения к тайне одних из самых загадочных творений природы — грибов?

Несчетное количество ученых-микологов в течение длительного времени стремится раскрыть эту тайну, но она до сих пор так и остается тайной. Некоторые микологи осознанно воспринимают грибы как живых существ, которые чувствуют людей и реагируют на них; иные же скептически относятся к такому мнению и утверждают, что, хотя грибы и ближе к животному миру, чем к растительному, считать их живыми существами ошибочно. Грибы, по их утверждению, — особое царство,



возраст которого около двух миллиардов лет. Сложность изучения грибов в том, что ни одному исследователю не удалось не то что положить на лабораторный стол весь гриб, но и вообще увидеть его полностью. Сведущие, конечно, понимают, о чем я. Ну а несведущим объясняю.

То, что мы называем грибом и аккуратно срезаем ножиком или просто выкручиваем руками — это только малая часть гриба, его плод, по-научному «плодовое тело» (только вот мне почему-то не хочется называть телом ни пузатенький боровичок, ни яркий подосиновик, ни даже скромницу сыроежку).

Собственно, гриб — организм непростой. Находится он под землей и представляет собой сплетение длинных, похожих на корни клеток — сетку мицелия. В месте самого плотного переплетения клеток и образуется тот самый плод, который вскоре неизвестной силою будет вытолкнут наверх и попадет в лукошко к самому удачливому грибнику. Еще никто полностью не мог выкопать гриб, потому что мицелий очень тонкий, деликатный и при попытке достать его из земли рвется. Вот почему грибы так тяжело изучать и почему многие выводы исследователей строятся на догадках и предположениях, поэтому бывают неточными, иногда и ошибочными и со временем оспариваются.

Когда и почему возникает у людей неодолимое влечение к тихой охоте? Как-то услышала, что стоит только человеку проглотить хотя бы самую малую толику грибных спор, как он тут же станет заядлым грибником.

Конечно, это только шутка, так что даже при сильном желании присоединиться к когорте микофилов глотать споры грибов не стоит: хотя это и не вредно, но бесполезно.

Многие психологи считают, что склонность к такому роду деятельности, как рыболовство, собственно охота и охота тихая, заложена природой в каждом из нас, но дальнейшее развитие этой склонности зависит от жизненных обстоятельств. Хочу на конкретном примере показать, что это не совсем так. Обоих своих сыновей, начиная с пятилетнего их возраста, водила в лес, рассказывала им про деревья, лекарственные травы, учила искать грибы и отличать съедобные от несъедобных. От деревни, где жили мои родители и куда я с детьми приезжала на все лето, до «главного» леса километра четыре, и мать не однажды укоряла меня за то, что снова «тащу дите в такую даль». Я молча улыбалась: мама, наверное, забыла, как нас с братом, совсем еще маленьких, «таскала» в ту же даль. Сначала я водила за грибами старшего сына, потом младшего и чего только не придумывала, чтобы привлечь своих мальчишек к интереснейшему и полезнейшему, на мой взгляд, занятию — поиску грибов! Имитировала голос лесовика, который приветствовал своих гостей и обещал щедро поделиться лесными богатствами, прилагала все усилия, чтобы замеченный мною гриб-красавец был «найден» сыном, а если видела, что юный грибник начинал уставать, забегала наперед и цепляла на кусты и ветки молодых деревьев конфеты в ярких обертках, чтобы потом вместе с сыном удивляться великому чуду, вдруг явившемуся нам в обычном лесу, — конфетному дереву! И, знаете, хотя с того времени прошел не один десяток лет, мой старший сын до сих пор вспоминает и голос лесовика, и конфетное дерево и говорит, что долго верил в то чудо. Он, сегодня уже взрослый мужчина, такой же, как и я, микофил. А вот младший... Если про лес, то только про шашлыки; если про грибы, то только про те, что на сковородке или в банке. Вот тебе и на! А ведь в одинаковых условиях росли! Нет уж, того, что не дано природой,

невозможно ни привить, ни развить. Генетика. С нею не поспоришь. Старший в меня уродился, а младший — в мужа. Тот, если после моих длительных уговоров и делал милость пойти со мной в лес, то там сразу ложился на поляну и лежал себе все время, пока я собирала грибы. Говорил, что ему в лесу неинтересно.

Ото всей «грибной одиссеи» моего младшего сына осталась только когда-то сочиненная им сказка про подземное грибное царство с городами, улицами и домами, откуда родители-грибы в наказание вытаскивают на поверхность непослушных деток-грибочков.

Скажите, вам ничего не напоминает эта история, придуманная семилетним мальчиком в далекие теперь восьмидесятые? Мне она часто вспоминается. Вспомнилась и сегодня, когда совсем случайно прочла высказывание английского писателя, философа и искусствоведа Джона Раскина: «Детство зачастую держит в своих слабых пальцах истину, которую не могут удержать взрослые люди своими мужественными руками и открытие которой составляет гордость более поздних лет».

Микология, как и всякая иная наука, не стоит на месте. Но даже тогда, когда микологи смогут достичь огромнейших успехов в раскрытии извечной тайны грибов, это ничуть не повлияет на душевное состояние человека, навсегда влюбленного в великое природное творение — лес.

Чувство, которое охватывает меня в минуты каждого первого в сезоне похода в лес, почти неопределимое. Восхищение красотой поляны, застланной зеленой скатертью мягкого мха, умиление одиноким молоденьким дубочком, которому почему-то захотелось поселиться среди сосен, наслаждение ароматом хвои — все это потом. А вначале — возвышенная и вместе с тем тихая и даже какая-то нежно-щекотливая радость соприкосновения с вечностью и наивная вера в собственное долгое-долгое, а может, и вечное существование. А еще ожидание скорого чуда. В ожидании этого чуда я начинаю ходить в лес уже в апреле: а вдруг выглянет из-под прошлогодней листвы какой-либо чудаковатый боровичок или хотя бы подберезовик? Но нет, лишь сморчки да строчки, сморщенные, как лица столетних стариков. У меня к этим грибам устойчивая неприязнь. Хотя не однажды слышала от едунов, что жареные сморчки — «вкуснятина», а сморчки сушеные — «вообще деликатес», никогда не стану собирать эти грибы. Они уже одной формой своей вызывают у меня неприятные ассоциации.

Так и не найдя ни одного «чудаковатого» грибочка, я не ухожу из леса, а направляюсь к поляне, заросшей брусничником. Чтобы чай из брусничных листьев получился не только ароматным, но и наиболее полезным, листья нужно собирать тогда, когда на растении еще не появились бутончики. Собираю, возвращаюсь домой и с нетерпением жду первой волны одних из самых любимых моих грибов — маслят. Приносит ту волну теплая и дождливая середина июня, а случается, даже и самое его начало.

Маслята ранние (зернистые) селятся семьями в невысокой траве вдоль дорог, на полянах и под соснами в редком хвойнике. К сожалению, их мякотью с жадным удовольствием лакомятся личинки мух и грибных комариков, поэтому жизнь зернистых маслят недолговечна: каких-то пять-шесть дней — и будто бы и не было манящих своей свежестью и скромным блеском светло-коричневых шляпок. Вместо них — дряблые «лапти»...

Некоторые из опоздавших грибников выбирают среди «лаптей» наименее поврежденные личинками грибы и кладут их в корзины, чтобы дома при помощи разных хитрых способов выгнать наглых червячков вон. А сведений о таких способах нынче в Интернете хоть пруд пруди.

Юлия МЕЛЬНИК

ЛИСТАЮ
ПРОЖИТЫЕ
ЧУВСТВА...

Стихи



НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Усталостью дышит сегодняшний день,
бегу от себя... И, похоже, опять,
вдыхая сочувственно, сетует тень,
что я одинока, но ей не понять...
Не слышит меня в хороводе шальном,
порой отражаясь в чужих зеркалах,
а я оставляю себя на потом
в придуманных мною нелепых стихах.
Под грифелем строчки ложатся на лист,
их черкая, снова пишу невпопад...
По воле судьбы я давно фаталист,
поэзия — сладостный медленный яд.

МЕЛАНХОЛИЯ

На улице машины, светофоры,
клаксонов гул в звенящей пустоте,
бродяги в переулке темном спорят
и тени лиц в извечной суете.

Скучает зонт, забытый на скамейке,
под ливневыми струнами дождя...
Где горести не стоят ни копейки,
страдания по проводам гудят.

Швырнет художник краски... На мольберте
размыт дождем причудливый анфас,
и музыкант, игравший Грига и Верди,
в футляре забросит старый контрабас...

Здесь в тихом парке, в лужах отражаясь,
задумчиво блуждает свет луны —
она привычно вечер провожает...
И не видны фантомы... не видны.

Светлана ЕФРЕМОВА

КОЛЕСОМ ВОЙНЫ ПО СУДЬБЕ

Рассказ



В 2024 году исполнилось тридцать пять лет, как не стало нашей мамочки Путровой Анны Федоровны, в девичестве Аверьяновой. Божественный дар чуткого милого сердца был дан ей сполна. Все, что происходило с близкими и дальними, все, что ноткой тревоги и боли звучало в мире, проходило через ее трепетное сердце. Как мама умела проникнуться всем, что нас, ее трех дочерей, радовало и печалило, дать добрый совет, пожалеть, пожурить и поругать, если надо! Это вселенское сердце способно было любить и вместить боль каждой живой души. Если слышала по радио, что ушел из жизни кто-то из известных артистов, сокрушалась: «Не могу поверить! Такие люди должны жить вечно!» Или вот пример: по телевизору идет драматический фильм. Мамочка сидит в кресле, вся напряжена. Замирает, вскрикивает, заламывает руки, сжимает кулаки, ненавидя чьих-то мучителей, плачет, вытирая слезы ладонью, над чьей-то несчастной судьбой... «Мамочка, это же вымысел автора, успокойся!» — пытаемся мы ее утешить. «Ай, отстаньте, — огорченно отмахивается она, — это все — жизнь!» И действительно, искусство ведь отражает жизнь, значит, это и о нас с вами. Значит, нельзя оставаться безучастными. Вот так мы с сестрами Людой и Валею не только иногда коротали вечер с родителями у телевизора — мы учились любить жизнь, ценить и понимать человека.

Когда я думаю о судьбе мамы, ее жизнелюбие и жизнестойкость не перестают восхищать.

Родилась Анна в небольшом местечке Подранда близ Оболи, что на Витебщине, в семье крестьян Федора и Меланьи Есипенок. Мне не довелось даже на фотографиях своих предков увидеть. Война уничтожила родовые корни, не сумев убить лишь то, что бессмертно, — память. По рассказам мамы я узнала, что мои дедушка и бабушка были по сути интеллигентны: просты, скромны, трудолюбивы, чистоплотны, культурны. В семье мамы не было раздоров, пьянок, праздности, царили лишь мир и согласие. Только раз маленькая Аня слышала, как в сенях сердито-возбужденно родители выясняли отношения. И ни разу — при детях! — не было в семье ни сквернословия, ни сплетен.



Нина ГОРЕГЛЯД

ОСЕНЬ ШЕПЧЕТ...

Стихи

НЕ ЗАБЫВАЙ...

Незабудки словно разлитая синька.
Купками в низинках.
О чем шепчут цветы?
Об истинах простых:
Не забывай свой дом,
Полесский край.
Где б ни была,
не забывай...

* * *

Когда почувствую —
слабею...
И слов для песни
не хватает.
Оставлю гусли
я свои.
И фальши пусть они
не знают.

И пусть тоскуют
руки-ветви.
Обманом воли
им не дам.
Пойду я к хлеборобам.
В поле.
И петь меня
научат там.

Дарья ДОРОШКО

САПФИР

Рассказ



На мониторе компьютера открыто окно текстового редактора. Черточка курсора, подгоняемая неровным шелестом клавиш, рывками сдвигается вправо, как следы, оставляя слова: «Иногда друзья заканчиваются, как память на жестком диске. Или же приходят в негодность, как старый телефонный аппарат или телевизор. Короче, друзья исчезают с твоего горизонта, как солнце или облако, и ты остаешься один, как перст или луна...»

Клик по кнопке «Сохранить»...

Все, хватит этих тупых метафор со сравнениями! Пора пить чай. Или кофе. Или заняться, наконец, чем-нибудь полезным!..

Света встала из-за стола и потянулась. Осторожно присела, растопырила уставшие пальцы, усмехнулась, вспомнив, как однажды точно так же потягивалась хомячиха Сапфо, с трудом протиснувшись из-под двери, перед тем прогрызая себе этот проход в свет со всей страстью, будто вовсе не дерево грызла, а халву.

Света была инвалидом. Детский церебральный паралич делал неуклюжей ее походку, плохое зрение вынуждало носить очки с толстыми линзами. На голосе болезнь не сказалась, и она предпочитала общаться с людьми по телефону, а не встречаться с ними тет-а-тет. В детстве у Светы были друзья. Вернее, это она так думала. Потом поняла, что люди ее не любят. Она была непривлекательна. Болезнь, даже чужая, часто отпугивает людей, вынуждая мучиться вопросом «за что?» и искать разные глупые ответы, в которых прошлые жизни причудливо переплетались с грехами родителей и личным Светиным выбором, а то и виной. Когда Свету доставали добрыми советами и унижительным сочувствием, девушка просила оставить ее в покое. В покое ее оставляли, но не сразу. Сначала оскорбленные в лучших чувствах пьяненькие мужички и верующие тетеньки высказывались на тему, что, видимо, не зря ее Боженька наказал, и только потом шли по своим делам. Но чаще стояли истуканами, глядя со скорбным выражением, как спешит от них, неуклюже переваливаясь, заливаясь краской и слезами, юная грешная душа. Она вызывала ненависть. Безотчетную, ничем не оправданную и почти всегда безответную. Только когда она задумывалась о причинах

странной реакции окружающих, в сердце просыпался и начинал кружить пепел. Именно так она ощущала ее, свою ответную агрессию. Потом Света научилась владеть собой и больше не убегала, тем более что со временем это стало небезопасно: у Светы обнаружили ранний остеопороз и любое падение теперь могло закончиться переломом.

Света была домоседкой. В свои тридцать она была одинока, наивна и начитанна. Жила она в двухкомнатной квартире. С мамой и хомячихой по кличке Сапфо. Сапфо жила в трехлитровой банке и каждый вечер выпускалась побегать по комнате. И, кажется, это всех устраивало: и комнату, и маму, и саму Сапфо. Хомячиха просто не догадывалась, что ей положено жить в клетке, да и кто бы ей рассказал!

«Я роскошь люблю! Блеск, красота, как сияние солнца, прельщают меня!» — около двух с половиной тысяч лет назад записала на каком-то пергаменте совсем другая Сапфо, и это называли стихами. Света не понимала такие стихи. Даже для дневниковой записи это было как-то чересчур вычурно и глупо, что ли. Но ведь были же те, кто восхищался этой поэтессой! Потому что она была женщиной? Или потому, что она жила на Лесбосе?.. Ничего толком неизвестно о ней, а вот поди ж ты строчки до наших дней дошли!

Так и не выпив кофе, тем более что врачи ей это категорически запретили, Света набрала номер Вадима, друга по несчастью из соседнего города.

— Вадька, привет! — произнесла она своим красивым, слегка медлительным голосом.

— Привет, мой Свет! — отозвался Вадька через неполную сотню километров.

— В наш санаторий собираешься?

— Нет, Светик, не поеду. А ты что, неужели собралась в кои-то веки?

— Да нет, Вадь, так просто спросила. Ску-у-учно жить на свете белом...

— Если нет проблем и дела! — радостно выпалил тот, характерно выдыхая звуки.

— Именно, Вадик, именно так...

Вскоре они попрощались, и Света вернулась к своему письменному столу. Запись о друзьях теперь звучала как-то резковато, и Света удалила ее из текста... Писать больше не хотелось, тем более что слабосильные ее передние конечности, верхние лапы, руки-крюки, как иронично называла их Света, опять начали неметь, а она уже по горькому опыту знала, что это надолго.

Яркий верхний свет резал глаза, и она выключила люстру. Осторожно прилегла на тахту и нечаянно задремала.

Во сне опять шел снег. Сугробы намело по самую крышу, и Света, не пытаясь даже пройти в хату, забежала через открытую дверь в сараюшку — тропинку будто кто заботливо расчистил перед самым ее приходом, — схватила лыжи, споро приладила их к валенкам и полетела по косогорам торить лыжню.

Этот сон она любила больше остальных. В нем всегда шел снег, было радостно и морозно. И здесь ее всегда ждали лыжи. То, что руки и ноги ее слушаются, она даже не осознавала, настолько это было естественно для сонной реальности. Светка летела с горы будто на крыльях и смеялась. И ветер свистел в ушах. И как же тяжело было просыпаться после такого! Как горько и обидно терять каждый раз легкость и подвижность!

Но откуда же она могла помнить себя здоровой, чтобы из ночи в ночь снова и снова ощущать эту свободу сильного молодого тела? Поневоле задумаешься о прошлых жизнях...

Сквозь свист ветра Света услышала, как захлопнулась входная дверь, и проснулась, снова загнанная в мышеловку своего неуклюжего тела. Заглянула в комнату вернувшаяся с работы мать.

— Спишь? — спросила.

— Уже нет, — ответила ей дочь.

— Ну пошли, что ли, чаю попьем, — договаривала мать уже за поворотом в кухню.

Света поднялась, восстанавливая равновесие, поплелась следом. В кухне попыталась взять чайник, но мать остановила:

— Давай лучше я, а то этот пока еще новый и красивый. Жалко будет, если уронишь! — И улыбнулась, смягчая сказанное.

Но Света и не обиделась. Это в раннем детстве, когда все хотелось делать самой, она обижалась, если не давали в руки предметы, отбирали уже взятое: уронишь, разобьешь, сломаешь!.. А она, правда, и роняла, и разбивала, и ломала — чего уж! А еще Света довольно рано стала замечать, что мать почти не зовет ее по имени или делает это редко. Умудряется как-то избегать вот этого — Света, Светочка, Светланка... Обходится «зайчиком», «котиком», «солнышком». Это в детстве. Сейчас же вовсе на «дочь», «дочка», «доченька» перешла. Правда, последнее — реже. А то и вовсе без обращения обходится, вот как теперь. Света даже шутливое объяснение этому обстоятельству придумала: мол, мама на работе, в своем паспортном столе столько на все эти имена насмотрится, столько их переслушает, что ее уже тошнит от всех этих Светлан... Но все равно порой было не по себе, холодно как-то было.

«Жаждет имя чьих-то губ, словно самой нежной ласки», — написала однажды Света в одном своем стихе.

Написать-то написала, но опубликовать не стала: что она, Сапфо какая-то, что ли!

К чаю мать купила булочек с корицей: повезло на горячие попасть! Только привезли, выгружали еще!

Попили чаю. Выпустили побегать Сапфо.

Уютно шуршал по стеклу дождь.

— Света! — неуверенно произнесла мама.

Света вздрогнула от неожиданности, уставилась на мать.

— Светочка моя, — повторила та медленно, словно смакуя каждый звук родного имени.

— Что, мамочка? — чуть дыша, предчувствуя неладное, прошептала Светка.

Мать будто очнулась, встряхнулась, заговорила в своей обычной суховатой манере.

— Все в порядке. Не пугайся так, детка.

«Детка? Это что-то новенькое», — пронеслось в Светкиной голове.

— Ты же знаешь Ирину, с которой мы вместе работаем?

— Знаю, конечно! — слегка расслабилась Светка. Мать выглядела и звучала уже совсем привычно.

— Ну так вот. Несчастье у нее: дочь в аварии погибла. Ехала с мужем на дачу, а навстречу грузовик... В общем, нет больше у Ирины Катки...

— А муж? — спросила Света, чтобы хоть что-то сказать.



Владимир КОРОТКЕВИЧ

Дорога, которую прошел

Автобиография

Владимир Короткевич написал автобиографию по просьбе Евдоксии Федоровны Никитиной (при рождении Евдокия Плотникова, по первому мужу — Богушевская; 1895—1973) — российского литературного критика, редактора, организатора литературной жизни. С 1914 г. в московском доме Богушевских собирался литературный кружок, позже известный как «Никитинские субботники» (возобновлен в 1962 г.). Евдоксия Федоровна собирала рукописи, автобиографии, автографы, письма, портреты...

Писатель в сентябре 1964 г., находясь в Рогачеве, следующим образом ответил на письмо Евдоксии Никитиной, в котором, видимо, содержалась просьба написать автобиографию.

«Уважаемая Евдоксия Федоровна!

С некоторым опозданием отвечаю на Ваше письмо. Пришло оно в Минск 31 августа, но меня в это время в городе не было и вернулся я, когда уже прошло несколько дней. Прошу Вас извинить меня: и за эту задержку, и за то, что автобиографию написал тяжеловато. Править было некогда, большая часть месяца, данного мне, уже прошла. Да, кроме того, хотя я и неплохо знаю русский язык (профессор Филиппов сравнивал меня с про-сви́рней, а это большая честь), но, когда несколько лет пишешь на другом языке — волей-неволей становишься неуклюжим. Ловчее, во всяком случае, не делаешься.

Я так много о Вас слышал, что получить Ваше любезное письмо, да еще с приглашением, было для меня большой радостью.

И тем более я огорчен, что не смогу быть 26-го на юбилейном заседании. Связан по рукам и ногам делом. Но зимою буду в Москве и обязательно зайду в музей.

Вы не будете возражать, если я пошлю Вам кое-какие свои рукописи несколько позднее? Я сейчас сижу в Рогачеве и работаю. В минскую квартиру попаду недели через две. Вот тогда и отберу. Не знаю уж, какой это может быть интерес. Но, во всяком случае, пришлю непременно.

Еще раз извините за определенно неудачную автобиографию. Никогда не думал, что это так трудно. Написал много, и не сказал почти ни о чем.

Желаю Вам долгих-долгих лет жизни и успехов в благородном Вашем труде. И еще счастья, которое каждый понимает по-своему.

С искренним уважением к Вам

Ваш Владимир Короткевич,
он же Уладзімір Караткевіч».

Письмо к Евдоксии Никитиной впервые опубликовано в т. 21 Собрания сочинений Владимира Короткевича, автобиография печатается впервые по рукописи, которая хранится в отделе редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа НАН Беларуси (ф. 11, оп. 2, ед. хр. 1043).

Позже, 1 декабря 1964 г. Владимир Короткевич написал на белорусском языке сокращенную версию — «Малая аўтабіяграфія (дарога, якую прайшоў)», которая с редакторскими и цензорскими изъятиями напечатана в книге «Пра час і пра сябе» (1966).

Анна ОСИПУК

Почтовые карточки времен Первой мировой войны как отражение человеческой судьбы

На материалах собрания Брестского областного краеведческого музея

Первая мировая война разрушила и поломала миллионы человеческих судеб, унесла миллионы жизней, изменила весь мир. Война не прошла бесследно ни для одного столкнувшегося с ней человека. Свидетельства этих трагедий мы сегодня находим в документах.

В собрании Брестского областного краеведческого музея в документальной коллекции хранятся две почтовые карточки военнопленного врача Ивана Лаврентьевича Максимова времен Первой мировой войны. Они были адресованы его родственнику Македонию Попову (г. Луганск). В фонды музея были приобретены в 2000 г. у Владимира Николаевича Попова, который проживал в Бресте. Почтовые карточки для переписки военнопленных в музейных собраниях являются большой редкостью. Среди 18-ти государственных музеев Брестской области, только Брестский областной краеведческий музей владеет этими редкими музейными предметами.

При научной обработке данных почтовых карточек были установлены биографические сведения о личности Ивана Максимова. Помощь в этом оказали коллеги из Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, которые провели большую работу в Государственном архиве Рязанской области. Отыскать потомков Македония Попова удалось благодаря помощи сотрудников ЖЭС № 8 г. Бреста.

Иван Лаврентьевич Максимов родился в Рязани 8 мая 1883 г. в крестьянской семье. В 1904 г. окончил Рязанскую мужскую гимназию, получил аттестат с хорошими и отличными оценками по большинству предметов. В расписке о получении документов об образовании Иван Максимов указал, что имеет намерение для продолжения обучения поступить в одно из высших учебных заведений Петербурга.

В этом же году поступает в Императорский Санкт-Петербургский университет на математическое отделение физико-математического факультета. Иван быстро



Иван Максимов во время учебы
в Императорской
Военно-медицинской академии

понимает, что математика — это не его призвание и переводится в Императорскую военно-медицинскую академию, которую оканчивает с отличием. 16 ноября 1910 г. Иван Максимов получает диплом со степенью лекаря и направление на службу в 66-й пехотный Бутырский полк (входил в 17-ю пехотную дивизию 19-й армейский корпус). Данный полк дислоцировался в г. Хелм Люблинской губернии (сейчас это Республика Польша).

18 августа 1914 г., будучи старшим врачом своего госпиталя, при деревне Коморове был взят в плен австрийскими войсками, со всем персоналом, больными и ранеными. Была ли у Максимова возможность избежать плена? Статья 1 Женевской конвенцией 1906 г. гласит, что «воюющая сторона, принужденная оставить вместе с ранеными, насколько то позволят военные обстоятельства, часть своего санитарного персонала и снаряжения для содействия уходу за ними». Странам, подписавшим Конвенцию, необходимо было ознакомить свой медицинский персонал с ней. Становится понятным, что у Ивана Максимова не было возможности избежать плена: он выполнял свой военно-медицинский долг. Согласно Конвенции, медицинский персонал приравнялся к числу военнопленных, на которых распространялись общие правила международного права, касающиеся пленных. Конвенция также указывала на возможность обмена пленными медиками, при условии взаимных договоренностей между противниками¹.



Иван Максимов после плена
с женой Елизаветой

После этапирования на территорию Венгрии Иван Максимов был направлен на работу врачом-инфекционистом в лагерных лазаретах. Из биографии Максимова известно, что с ноября 1914 по апрель 1916 г. он работал в немецко-западновенгерском лагере Болдогассони около Пресбурга в бараках, где находились больные сыпным тифом. Лагерь, построенный в основном для русских и сербских военнопленных в условиях цейтнота, зимой 1914—1915 гг. пострадал от сильной эпидемии тифа, из-за которой к апрелю 1915 г. умерло около 3690 человек. В январе 1915 г. Иван Лаврентьевич сам заразился сыпным тифом. Перенес болезнь в тяжелой форме, с осложнениями, чем сильно подорвал здоровье. После болезни продолжил работу в лагерьном лазарете до апреля 1916 г.

Жена Ивана Лаврентьевича Елизавета Павловна Максимова, узнав о том, что муж попал в плен, неоднократно писала письма-прошения в разные правительственные учреждения, чтобы ускорить его обмен, указывая на тяжелые условия

¹ Конвенция об улучшении во время сухопутной войны участи раненых и больных воинов, заключенная в Женеве 23 июня (6 июля) 1906 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.prlib.ru/item/699516>. — Дата доступа : 18.10.2023 г.

плена. Благодаря настойчивости Елизаветы Павловны впоследствии было возбуждено ходатайство об освобождении ее мужа. «Называя положение мужа в плену «тяжким», я руководствуюсь лишь тем, что мой муж, как ярый патриот, находясь во вражеской стране и заведая сербскими лазаретами, был защитником своих и единоплеменного нам Сербского народа, стоя как русский и врач на страже их интересов, всегда отстаивая права военнопленных, что явно шло в разрез интересов чинов администрации вражеской страны, чем и вызваны были со стороны их недоброжелательные и неприязненные к нему отношения: «иметь особый надзор за ним» и перевод его в более строгий лагерь вместе с пленными офицерами и чиновниками...»².

В апреле 1916 г. Австрийское правительство перевело Ивана Максимова в офицерский лагерь Чот близ Папы, в Венгрии, военное командование Пожони. Именно из этого лагеря Македонию Попову в Луганск пришло письмо от 30 июля 1916 г.: *«Дорогие Македоний, Дуня, Верочка и все ребятишки. Шлю привет из далекого плена и желаю вам всего хорошего. Если письмо придет к именинам Верочки сердечно поздравляю и желаю всего хорошего. Я еще в плену, но пока все еще напрасно надеюсь на обмен врачей. Отвечаю вам на всякое письмо, которые, к сожалению получаю очень редко. Дуня и Параша молодцы пополняют регулярно убыль народонаселения России. Пишите почаще — вид, здесь очень приятно получать известия с родины. Я здоров на днях переведут в другой лагерь, но пишите по этому адресу, — письмо перешлют. Напишите всем поклоны»*³.

К концу лета 1916 г. Иван Лаврентьевич оказался в числе врачей, которых были готовы обменять. По телеграмме Императорского Австрийского Министерства из Вены, русские военнопленные врачи и провизор, находившиеся в австро-венгерском плену от 18 до 28 месяцев, были собраны в лагере Терезиенштадт как предназначенные к обмену к 25 августа 1916 г. Но там они были задержаны на 3 месяца. Долгое томительное ожидание обмена, переводы из одного лагеря в другой сказывались на физическом и моральном состоянии пленных. В октябре 1916 г. Поповым было адресовано полное отчаяния письмо Максимова из лагеря Терезиенштадт: *«Крепко целую тебя Македоний, Дуню, Верочку и других милых домочадцев. Пишу вам не особенно часто, но от вас получаю в 4—5 раз еще меньше. Вообще вижу вы забываете о моем существовании. Не хорошо господа. Ну, да ладно! Приехать в Россию видно не удастся до конца войны — опять отсрочка, опять хотят послать на работу в лагерь. А я в плену 26 месяцев! Жму руку, желаю счастья. И. Макс.»*.

21 октября пленным было сообщено, что 13 здоровых русских полевых врачей будут оставаться на сборном пункте до тех пор, пока Военное Министерство не получит сведений о поезде, предназначенном к обоюдному обмену военнопленных австрийских врачей на шведскую территорию. До этого времени должны исполнять врачебные обязанности в лагерном госпитале. Находясь в полном неведении на сборном пункте, врачи-военнопленные писали коллективные письма и прошения в Королевско-Испанское Посольство в Вене, Главное Управление Российского

² Из письма Е. П. Максимовой в министерство иностранных дел от 9 сентября 1916 г.

³ Тут и далее в письмах сохранены авторские орфография и пунктуация.

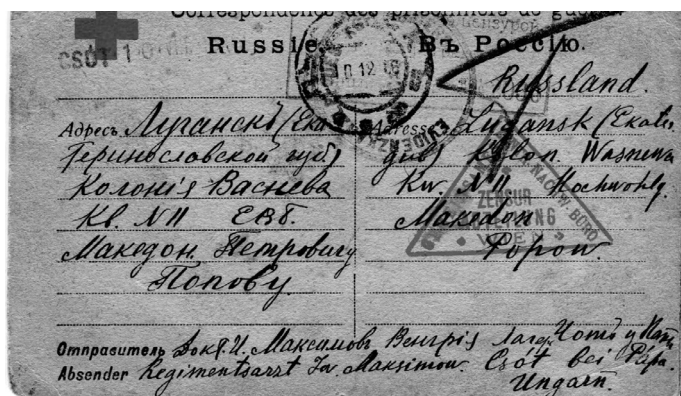
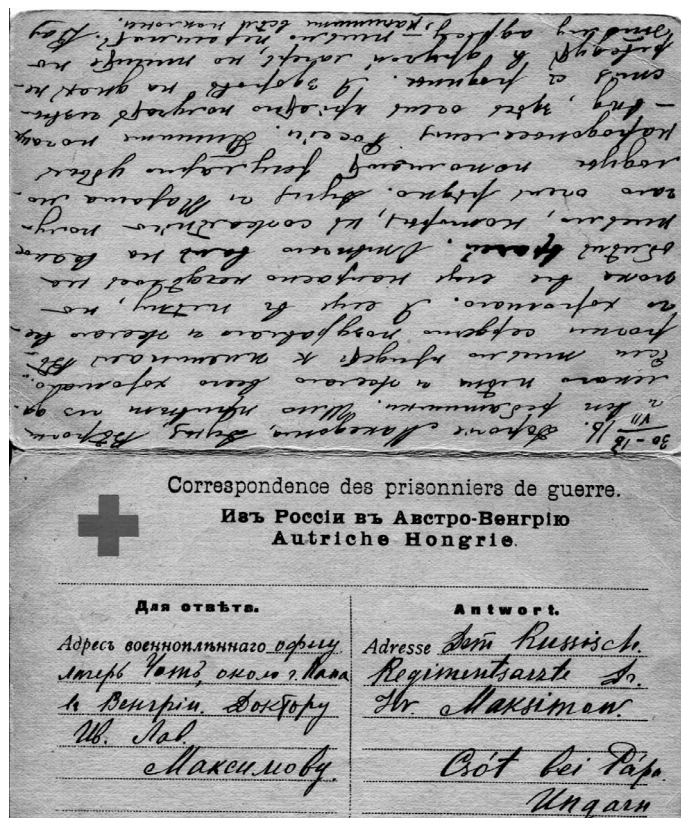
Общества Красного Креста и, возможно, в другие инстанции с целью оказать содействие, ускорить их обмен и возвращение на родину.

26 декабря 1916 г. со станции Торнео в полевом военно-санитарном поезде № 102 Максимов отправился на родину и 28 января 1917 г. прибыл в Петроград, далее в Рязань. В 1917 г. старший врач 66-го Бутыр-

ского полка Иван Максимов значится в списке военнопленных инвалидов офицерских и классовых чинов, возвращенных из австрийского плена.

По возвращении на родину Иван Максимов продолжил врачебную практику в военных и гражданских медицинских учреждениях Рязани и Петербурга. Известно, что умер он в 1959 г. в Пятигорске.

Удивителен тот факт, что в Первую мировую войну пленные имели возможность писать на родину и получать письма и посылки от родных. Правила переписки военнопленных, принятые участвующими в Первой мировой войне государствами, были установлены стараниями датского отделения Общества Красного Креста. Согласно этим правилам, военнопленным разрешалось еженедельно отправлять одно открытое письмо и ежемесячно два закрытых письма¹.



Письмо Ивана Максимова из лагеря на почтовой карточке

¹ Ткаченко, С. Б. Формуляры почтовых карточек для переписки военнопленных Первой мировой войны (1914—1918) / С. Б. Ткаченко // Почтовая марка и почтовая карточка: творцы, издатели, коллекционеры. Сборник методических материалов IX Научно-практического семинара по истории почты и филателии. 9 октября 2018 г. — Санкт-Петербург, 2018. — С. 320.



Казимир КАМЕЙША

Слуцкий пояс поэта

Три первые буквы в белорусском поэтическом алфавите еще в школьные годы прозвучали для меня самыми дорогими именами: Астрейко, Белевич, Велюгин... К каждому из них судьба будет подбирать свой ключик знакомства, которое почти всегда, если этого хочет сама жизнь, обретает все слагаемые настоящей дружбы.

Тогда, в пятидесятые годы прошлого столетия, школьные хрестоматии были крайне скупы на литературные имена. Скромно умалчивали они и о славном партизанском поэте Анатоле Астрейко. А песня «Бацька мой Нёман» на его слова почти каждый день звучала из радиоэфира. К тому времени Белорусское радио протянуло свои провода почти в каждую хату близких и далеких деревень. Раскатистый баритон Николая Ворвулева, словно неманское течение, свободно и легко одолевал родные необозримые просторы, звучал гимном любимой реке моего пущанского детства, чем-то теплым и милым наполнял мое сердце, и порой казалось, что эта душевная песня посвящается только мне одному... О поэте я услышал от нашей школьной учительницы. Но где и что, написанное Анатолом Астрейко, можно прочесть, я не знал. Как всегда бросился за помощью к своей тетке Ванде, которая работала в деревенской библиотеке. Стихи поэта мы нашли в первой послевоенной поэтической антологии «Беларуская савецкая паэзія» (1949). Много чего тогда было первым и впервые. О, сколько имен пришло ко мне со страниц этой чудесной книги! Поэтическая подборка Анатоля Астрейко в ней открывалась стихотворением «Мы слухалі Сталіна». То ощутимый холодок, то неуловимый трепет наводило даже на нас, младших школьников, громкое и величественное имя вождя. Звучало оно почти на каждой странице. Под стихотворением Астрейко значился год — 1942. Я и сегодня склонен верить, что стихи эти писались искренне.

Вслед за этим стихотворением, шло другое — «Беларусь-партизанка». Песенное его звучание переносило в партизанский бор. Возможно, подумалось тогда, эти строчки действительно напевали где-то у вечернего партизанского костра. Память возвращала не такие уж и далекие события:

Мы асфальтам балота завём
І шасейнай дарогай сцяжынку.
Два гады мы і косім, і жнём,
Каб вялікія справіць дажынкi.

Аўтаматы нам служаць касой,
А сярпамі — гранаты, наганы.
Не расою — варожай крывёй
Акрапляюць зямлю партызаны.



Без любви есть только пустота...

Интервью с Анатолием Аврутиным

Днепр, Березина, Припять, Западная Двина, Сож, Буг, Ясельда, Неман, Немига... Реки издревле играли роль важных жизненных артерий. Такой же артерией является творчество поэта, переводчика, публициста Анатолия Аврутина, однажды начавшееся с ручейка, который зародился на живописных склонах души, а затем развился в великую реку с мощной энергией. «Куда устремлена эта стихия?» Узнаете из беседы с Анатолием Аврутиным.

— Анатолий Юрьевич, ваша поэзия многоводна, как река. С какой из них вы бы сравнили свое творчество?

— Скорее всего, с Немигой, которую не видно, она уже много десятилетий упрятана в трубы и течет под землей, несмотря на свое легендарное прошлое и упоминание даже в «Слове о полку Игоревом»... Меня ведь тоже частенько стараются не заметить...

— Родители, мама, Минск, Автодорожский переулок, улица Железнодорожная... Потенциал поэта формируется больше в детстве или каждый день — окружением? Что дало вам наибольший толчок для творчества?

— Если отвечать максимально коротко, то любовь. Вначале к родному уголку, маме, станции Товарной, возле которой я рос, с ее нескончаемым гулом поездов, паровозным дымом и поворотным кругом в локомотивном депо, на котором меня в детстве один раз прокатали. Мне тогда казалось, что вместе с локомотивами, которые с помощью этого круга переставляют на нужный путь, поворачивается и вся планета, все, что вокруг существует. Потом первое робкое чувство к женщине, переросшее спустя время в Любовь всеобъемлющую — к Родине, близким, Всевышнему — всему тому, без чего не прожить...

— Чудесные ваши строки: «Полусвет... Моя тень на стене // Твоей тени коснуться посмела. // Сквозь обои, на той стороне, // Проступили два любящих тела...» Как думаете, такие слова, словно молитва, доносятся до Бога? Являются ли терапией для душ? Что есть поэзия, по-вашему?

— Убежден, что поэзия и есть родная сестра молитвы. К тому же Библия, не забудем, состоит из стихов и написана стихами. Значит, ее в свое время тоже писали поэты. А целительные свойства поэзии вообще переоценить трудно: когда люди не в состоянии справиться со своими неурядицами, одни тянутся к алкоголю, другие спешат в храм, а третьи снимают с полки томик стихов, к которому давно не прикасались, и чувствуют неожиданное облегчение. Так что поэзия, кроме всего прочего, еще и понятие медицинское.

— Можно ли назвать поэта психологом?

— Поэт в первую очередь и есть психолог. Если его стихи не царапают душу, не заставляют вас вздрогнуть — это не поэзия...



Людмила ВОРОБЬЕВА

Неизбежная непрерывность полета

Рецензия на книгу Александра Соколова «Логойский тракт»



Пожалуй, немало писателей мечтают об одном: отразить в своей книге весь мир. Однако это удастся далеко не каждому. Почему некоторые книги волнуют нас и даже способны изменить сам ход нашей жизни, а к другим мы совершенно равнодушны?

Вот и новая книга Александра Соколова «Логойский тракт» (Мн.: «Беларусь», 2024) притягивает к себе, словно магнит, а обложка очаровывает фантастическим рисунком, космическим цветом. Быть может, именно так выглядит мечта. Искать необычное в обычном, неизвестное в известном всегда было присуще прозе писателя. И у меня давний интерес к произведениям этого автора.

Поражаешься и его биографии. Участник войны в Афганистане, награжденный орденом Красной Звезды, командир корабля коммерческой авиации, а еще и прозаик, для которого литература — тоже судьба. Вот такие грани у романтической, легендарной и реально-земной жизни летчика и писателя.

Сегодня не уйти, не укрыться от веяний времени — оно наступает и властно диктует свое, изменяя общество. Писатель и время: пытливым умом исследователя и зорким взглядом художника Александр Соколов изучал, анализировал и фиксировал то, что видел. Он объездил, облетал полмира: всю Европу, Африку, Объединенные Арабские Эмираты, Шри-Ланку. Связав свою судьбу с белорусской землей, Александр Соколов размышляет о нашей общей Отчизне, пишет на русском языке и по праву считает себя русским писателем Беларуси и России.

Нужно признать, самое интересное в творчестве автора-путешественника — люди, живые и полнокровные люди, которым ничто человеческое не чуждо. И Александр Соколов ни на кого не похож, удивляя магнетизмом собственной личности. Прежде всего стоит отдать должное его писательской честности, правдивому отражению жизни.

Родился Александр Соколов через год после войны, в 1946 году, в селе Александровка Воронежской области. Окончил Воронежский радиотехникум и Армавирское высшее авиационное училище летчиков. Он автор книг: «Похитители времени», «Полет над землей», «Черный



ящик», сборника рассказов «Камчатка — дельфин розовый», романов «Пришелец», «Тайна прикосновения», документальных повестей.

Книга «Логойский тракт» раскрывает читателю долгий и непростой путь автора. И главное достоинство произведений Соколова: захватывающие, неординарные сюжеты, жанровые поиски, философские подтексты. Одним словом, читателя надо увлечь, заинтриговать. Современный среднестатистический читатель, кто он? Каков он? Крайне важно — авторское объяснение с ним, причем с любым из них, объяснение с предельно открытой душой. Но и предупреждение ему: ни в коем случае не настраиваться на легкое чтение. Потому что здесь — целый спектр волнующей проблематики: семья, дети, любовь, память рода, путешествия и приключения, а также философский взгляд на мир, на жизнь и смерть, на войну как таковую. Читая, видишь отражение вечности в нашем прошлом, настоящем и будущем, веришь в яркие фантастические образы, и близкие, и одновременно космически далекие, таинственные.

По всей видимости, по-своему прав и писатель Александр Соколов: жизнь неумолимо «крутит свои жернова», и то, о чем хочешь сказать серьезно и глубоко, лучше писать прозой. Перед нами история автора — история частной жизни, в которой необходимо быть предельно искренним как перед читателем, так и перед самим собой. Изменившееся время дало толчок в творчестве А. Соколова и новому роману, по жанру достаточно востребованному в современной массовой литературе: биография и автобиография, роман-путешествие, роман-признание, роман-исповедь, роман-воспоминание, роман-итог, роман-история, роман-судьба, в конце концов роман войны и мира... Можно перечислять до бесконечности. Но самое удивительное, что в романе А. Соколова «Логойский тракт» это все есть! Открытость и откровенность, не просто автобиографическое повествование, а исповедальная проза, где обнаженная искренность — уникальное и редкое явление в нынешней литературе.

Главный герой романа «Логойский тракт» Вольнов — прототип самого автора, автопортрет или alter ego. Профессия летчика говорит сама за себя: название первой главы — «Он фajnэл» — конечная прямая при заходе на посадку. В начале романа — слова сына о матери, которой исполнилось 92 года. Сразу вспоминается и другой его роман «Тайна прикосновения» — история-сага семьи Александра Соколова. Чего только не пришлось преодолеть матери. Жизнь стремительно шла к своему завершению: конечная прямая и конечная посадка. «Его мама! Этот сильный, никогда не унывающий человек... Ее судьба напоминала бесконечный перечень испытаний, которые только могут выпасть на долю женщины. Война, окружение под Вязьмой, железнодорожная катастрофа, месяцы, проведенные в больнице на грани жизни и смерти, тяжелая болезнь мужа...» — так в общих и точных штрихах, открывающих целую легендарную эпоху, представляет А. Соколов ее яркую и драматическую судьбу. Профессия медика научила маму спасать и поддерживать людей, не думая о себе. И все чаще и чаще она говорила о необходимости заканчивать свою земную историю. Приближающийся роковой момент отягощала ситуация с дочерью, неприспособленной к жизни, в чем-то грубой и эгоистичной. Мать стойко терпела семейные неурядицы и перипетии, что лишь усиливало «усталость от жизни». Вольнов испытывал к ней сыновнюю любовь и жалость, и «одиночество мамы рядом с родной дочерью не давало ему покоя».

Татьяна ДАШКЕВИЧ

Добрые витамины для детей

Рецензия на книгу Анатоля Зэкова «Дзе схавалася лета?»

Книга Анатоля Зэкова «Дзе схавалася лета?», написанная для детей, вышла в 2024 году в гомельском издательстве «Барк», к сожалению, небольшим тиражом. Хотелось бы, чтобы добрые, веселые, виртуозные стихи Анатоля Николаевича попали во многие дома, стали первыми для абсолютного большинства детей нашей страны. Эта небольшая книга читается на одном дыхании, в ней много юмора и мудрости, не говоря уже о том, что талантливые литературные произведения — это как хороший воздух, они как будто очищают и оживляют, дают импульс к жизни, действуют, как лекарство. А для детей — как вкусные, полезные витамины!

На ста страницах — почти столько же стихотворений, они все небольшие, яркие, емкие, легкие и теплые, как летний дождик. В книге — два раздела с названиями-загадками: «Як спіць вожык?» и «Малако на языку». В каждом разделе — игра, жизнь ребенка-почемучки, наполненная вопросами и ответами, добрая улыбка и искренняя любовь к детям, подмеченные ситуации и эпизоды из жизни обычных мальчиков и девочек. И все это описано, рассказано автором-ребенком и немного дедушкой не поверхностно и скучно. Писатель сам — в этой игре.

Анатолий Николаевич, знаменитый своей легкой юмористической литературной подачей, умеет с той же воздушной легкостью говорить с детьми и на серьезные темы. Об этом — стихотворение «Хлебны шлях». Лично для меня оно стало важным, одним из главных в этой небольшой книге. Привлекает в нем не только вечная тема хлеба. Кроме того, у автора мастерский педагогический подход — неявно, в игровой манере говорится о сельских детях и их близких, о том, сколько труда нужно приложить человеку, прежде чем хлеб появится на полке магазина. Здесь все — родные: дети, родители, тети, дяди, братья, сестры, деды... Хлеб — это общее дело, к нему причастен весь народ. Для одних он начинается с ржаного поля за окном автомобиля, для других —



с завтрака отца-комбайнера за столом деревенской хаты. Не могу не сказать на примере этого стихотворения и об исключительном, по-настоящему виртуозном владении автора языком: «Я з Якубам на таку быў — там шчыруе дзед Якуба». Это красиво, это — готовая скороговорка. Попробуй такое придумай!

И тут же рядом стихотворение о том, что сегодня для всех стало буквально «хлебом» — о мобильном телефоне. И та же виртуозность, легкость, свойственная Анатолию Николаевичу, умеющему улыбаться с грустинкой и грустить с улыбкой: «Цэлы дзень па ім балбача... // Замаўкае толькі ноччу. // Каб матуля не спыніла, // То і ноччу б гаманіла».

Но жизнь разнообразна — кто-то любит и читать, как в стихотворении «Кніжка і мышка» маленькая Света:

Дзень за днём чытае кніжку —
Нават спаць кладзецца з ёй!
І камп'ютарная мышка
Так зайдрасціць кніжцы той!

Автор подмечает случающиеся в детской жизни ситуации, например, в стихотворении «Канструктар». Сюжет известный: маленький Сережа хорошо умеет разбирать и будильник, и даже пылесос... Но кто все это потом соберет? Тот же скрытый педагогический контекст и юмор — вместе. «Дзе нітачка?» — ситуация с молочным зубом, такая обычная для ребенка... Или вот вечная проблема: футбольный мяч летит в окно. Но есть выход: «Мо паставіць нам пара // ля вакон варатара?» «Які сад лепшы?» — обыгрывание омонима «сад»: детский и бабушкин в деревне. Ответ очевиден, автор — на позиции ребенка. Как важно, чтобы тебя понимали!

Замечает и передает нам детский поэт и потешные моменты непонимания ребенком каких-то очевидных для взрослых вещей, как, например, в стихотворении «Артыст Біс»: взрослые зовут Биса на концерте, но он все не выходит, а так хочется посмотреть именно на него...

Привлекателен момент персонализации маленьких героев: у них есть имена, имен много, многие читатели увидят в книге свое, узнают себя. Есть даже стихотворение «Азбука імёнаў», в котором — и Лиза, и Даша, и Володя, и другие, а заканчивается оно так: «Ды і той, хто тут сябе не знойдзе».

Из этой книги маленький читатель узнает, что можно сходить в театр, побывать на концерте, поработать в столярной мастерской с дедом, поудить рыбу и покормить рыбок в аквариуме... И все это прекрасно и доступно!

В книге сочетаются разные формы и жанры детских стихотворений, есть и рассказы, и зарисовки, и риторические вопросы, и скороговорки — и каждая новая «блесточка» сияет по-своему... Стихи короткие, хорошо запоминающиеся, в них много афористических оборотов. Читать «Дзе схавалася лета?» точно будет не скучно и интересно — и детям, и взрослым.

Может, в этом разнообразии жизни и бесконечно доброго отношения к детям, а значит, к людям, и спряталось лето. Создается впечатление, что ни с выбором темы, ни с реализацией этого выбора у Анатолия Эзкова проблем не может быть. Тут и домашние питомцы, и жители леса, и животные, и люди, и растения — все живет, дышит, радуется, излучает



бесконечный позитив. Даже если есть проблема — не беда. И в этом важнейшее педагогическое значение творчества Анатоля Зэкова для детей. Я начинала рецензию с того, что стихи талантливо настолько, что способны питать ребенка, очищать и насыщать его мир, как витамины. И добавлю к этому, что здоровое чувство юмора — это в том числе и огромная составляющая искусства выживать в нашей нелегкой жизни. Беда, если нет у человека этого важного, прекрасного, нужного чувства. И как важно с детства привить ребенку здоровое восприятие жизни, научить его улыбаться, смеяться в том числе немного и над собой.

Хочу закончить свое небольшое слово о книге Анатоля Зэкова, на мой взгляд, очень показательным для автора стихотворением: в нем и грусть-печаль, и жалость, и сострадание, и добрая улыбка, и детская непосредственность, и разрядка ноткой юмора. Все как в жизни!

Рабінка

Гонкая рабінка пад акном
Грукаецца у шыбу — і здаецца,
Просіцца рабінка у цёплы дом,
Каб, азяблай, крыху у ім сагрэцца.

Закалела ў сцюжы-халады,
Стоячы па пояс самы ў снезе.
Адчыніў акно б рабінцы, ды
Як рабінка праз яго залезе?





РУБЛЕВСКАЯ Людмила Ивановна. Родилась в 1965 году в Минске. Окончила Минский архитектурно-строительный техникум, филологический факультет Белорусского государственного университета, училась в Литературном институте имени А. М. Горького (Москва). Поэт, прозаик, журналист, литературный критик. Автор многих книг поэзии и прозы. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Живет в Минске.

ЯСЕВ Владимир Викторович. Родился в 1961 году в городе Быхове Могилевской области. Окончил исторический факультет Могилевского государственного педагогического института имени А. А. Кулешова. Поэт, прозаик, переводчик. Автор нескольких поэтических сборников. Победитель республиканского конкурса фантастического рассказа (2021). Кандидат политических наук, доцент, проректор Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова. Живет в Могилеве.

КАДЕТОВА Валентина (Кадетова-Арестова Валентина Николаевна). Родилась в 1951 году в деревне Николаевка Добрушского района Гомельской области. Окончила филологический факультет Минского государственного педагогического института имени А. М. Горького. Автор книг прозы «Ля трох пуцявін», «Варыяцыі на вечную тэму», «Лякарства ад стомы» и др. Лауреат республиканских и областных литературных премий. Живет в поселке Лукский Жлобинского района Гомельской области.

МЕЛЬНИК Юлия (Романюк Юлия Викторовна). Родилась в городе Пинске Брестской области в 1980 году. Окончила филологический факультет Брестского государственного университета (БрГУ) имени А. С. Пушкина и Гродненский государственный университет (ГрГУ) имени Янки Купалы (здесь же магистратуру). Автор нескольких книг поэзии и прозы. Лауреат международных литературных конкурсов Беларуси и России в номинациях «Поэзия» и «Переводы на белорусский язык». На государственной службе в таможенных органах Республики Беларусь. Живет в Гродно.

ЕФРЕМОВА Светлана Борисовна. Родилась в 1951 году в городе Городке Витебской области. Окончила факультет культурно-просветительской работы Минского института культуры. Сценарист, эссеист, режиссер, чтица. Живет в Минске.

ГОРЕГЛЯД Нина Васильевна. Родилась в 1952 году на хуторе Павлиново Пинского района Брестской области. Окончила филологический факультет Брестского педагогического института имени А. С. Пушкина. Поэт, прозаик, публицист. Автор нескольких поэтических сборников. Живет в городе Каменец Брестской области.

ДОРОШКО Дарья (Татьяна Леонидовна). Родилась в 1977 году в Гомеле. Окончила Гомельское медицинское училище, филологический факультет Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Поэт, прозаик. Автор нескольких книг лирической поэзии. Лауреат многих литературных конкурсов. Живет в Гомеле.

